

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

НАСО

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТАНЫ СИЛАКОВОЙ

Имейте мужество взаимодействовать с миром

Законоучители Талмуда долго спорили о том, заслуживает ли назорей похвалы. И именно наша недельная глава содержит законы о назорее.

Напомню, что назореем называли человека, который добровольно, обычно на определенный срок, обязывался выполнять кодекс святости особого рода. Это значило, что ему воспрещалось употреблять вино и все, что приготовлено из винограда, стричь волосы, а также осквернять себя приближением к умершим.

По сути, назорейство было отречением от страстей и желаний. Неясно, что побуждало людей к принятию таких обетов. Возможно, стремление уберечься от последствий пьянства или излечиться от алкоголизма. А может, им хотелось испытать состояние возвышенной святости. Назорею воспрещалось приближаться к умершим, даже к близким родственникам, а следовательно, в этом смысле он был в том же положении, что и первосвященник. Для того, кто не принадлежал к коэнам, назорейство было способом изведать, каково это — уподобиться коэну. Некоторые законоучители Талмуда утверждали: соседство закона о назорействе с законом о соте (жестокости, заподозренной в прелюбодеянии) намекает: некоторые становились назореями, чтобы удержаться от аморальных интимных связей. Ведь алкоголь отключает механизмы самоконтроля и подогревает половое влечение.

В любом случае мнения о том, хорошо или дурно становиться назореем, разделились. С одной стороны, Тора называет назорея «святым для Г-спода» (Бемидбар, 6:8). С другой, когда срок воздержания истекает, назорею заповедано принести жертву за грех (Бемидбар, 6:13–14). Отсюда рабби Эльазар а-Капар бе-рабби заключил: «Что означают слова “И искупит его, потому что он согрешил против души” [обычно переводится как “путем прикосновения к усопшему”] (Бемидбар, 6:11)? Против какой же души он согрешил? Мы должны заключить: подразумевается, что он отказывал себе в удовольствии пить вино. Отсюда мы можем сделать вывод: если тот, кто отказывает себе в удовольствии пить вино, назван грешником, еще больший грешник — тот, кто отказывает себе в других удовольствиях от жизни. Следовательно, тот, кто постится, назван грешником»¹ (Таанит, 11а; Недарим, 10а).

Очевидно, рабби Эльазар а-Капар бе-рабби выступает здесь против аскетизма в еврейской жизни. Какие группы верующих он имел в виду, неизвестно. Аскетами были многие из ранних христиан. А также, в некотором роде, члены Хумранской секты, известной нам благодаря свиткам Мертвого моря. Есть много религий, чьи адепты, намереваясь вести святую жизнь, в поисках духовной чистоты решают удалиться от мира, мирских удовольствий и соблазнов; с этой целью они постятся, истязают себя, живут в пещерах, скитах или монастырях.

¹ Так в английском переводе. Ср. с русским переводом: «Что означают слова: “И искупит его от прегрешения из-за усопшего (нефеш)” (Бемидбар, 6:11)? Так против какой же души (нефеш) согрешил назорей? Он мучил себя самого, [воздерживаясь] от вина. Отсюда можно сделать вывод: если назорей назван грешником только за то, что мучил себя самого,

[воздерживаясь] от вина, то сколь же грешен тот, кто мучит себя, [воздерживаясь] от всего [разрешенного]! Поэтому всякий, кто постится, назван грешником». Цит. по: Рабби Яков Ибн-Хабиб. Эйн Яков («Источник Якова»). М.: Книжники; Леаим, 2014. Т. 4. С. 286. — *Примеч. перев.*

В Средневековье некоторые евреи стали придерживаться обычаев, требовавших самоограничений. То были, например, члены движения «Хасидей ашкеназ»² — эти пиетисты³ Северной Европы, а также многие евреи в мусульманских странах. Несложно заметить, что эти модели поведения развились отчасти под влиянием нееврейского окружения. Сторонники «Хасидей ашкеназ» — движения, достигшего расцвета во времена Крестовых походов, — жили среди набожных христиан, умерщвлявших свою плоть. Их единомышленники из южных стран наверняка были знакомы с суфизмом — мистическим течением в исламе.

А значит, неоднозначное отношение евреев к образу жизни, предполагающему самоограничение, могло быть продиктовано подозрениями, что в иудаизм эта идея пришла извне.

В первые века новой эры и на Западе (в Греции), и на Востоке (в Персии) существовали течения, полагавшие, что физический мир погряз в развращенности и раздорах. Они стояли на позициях дуализма, утверждая, что истинный Б-г не был творцом вселенной, а вступить с Ним в контакт, не вырвавшись за пределы вселенной, невозможно. Они полагали, что физический мир сотворил другой, злой бог, уступающий истинному по своему могуществу. И из этого они заключали: чтобы вести святую жизнь, надо отдалиться от физического мира, его удовольствий, влечений и желаний. Самые известные течения, которые придерживались таких воззрений, — гностицизм на Западе и манихейство на Востоке.

Итак, за негативной оценкой назорейства, возможно, отчасти стояло желание отговорить евреев от подражания нееврейским тенденциям — христианству и исламу.

Но самой примечательной выглядит позиция Маймонида: он дает назорейам как положительную, так и негативную оценку. В «Законах о чертах характера» Маймонид вторит негативной оценке рабби Эльзара а-Капара: «Да не подумает человек: “Раз вождение, чествование и тому подобное — дурная стезя и сживают человека со свету, то избавлюсь-ка я от них совершенно, отдалюсь к противоположному концу”. И после этого перестанет он есть мясо и пить вино, не женится, поселится в негодном жилище, прекратит носить приличную одежду <...> Это тоже дурная стезя, и следовать ею запрещено»⁴ (Знание, 3:1).

Однако в той же книге, «Мишне Тора», он пишет: «...тот, кто дает обет [стать назореем] Г-споду ради святости — прекрасен и славен... И Писание приравнивает его к пророку»⁵ (Посвящение, 10:14).

Как может ученый муж — тем более Маймонид, рассуждавший строго логически, — занимать столь противоречивую позицию?

Разгадка открывает нам глубокие истины. По Маймониду, нет единообразной модели добродетельной жизни. Таких моделей две. Он называет их «путем святого (хасида)» и «путем мудреца (хахама)».

Святой — человек крайностей. В глазах Маймонида «хесед» — это поведение, доходящее до крайностей. Споры нет, человек совершает хорошие поступки, но они выходят за рамки того, чего требует справедливость в строгом смысле слова («Путеводитель растерянных», III, 52). Например, «того, кто отдаляется от гордыни к другой крайности и достигает полного смирения, называют святым (хасид)»⁶ (Знание, 1:5).

Мудрец — человек другого типа. Он держится «золотой середины», идет «срединными путями», ведущими к умеренности и сбалансированности. Избегает таких крайностей, как трусость и необдуманная смелость, и это дарует ему добродетель мужества. Мудрец чурается и скверности, и отречения от материальных благ: не копит имущества, но и не раздает другим все до последнего гроша. Поэтому он не скуп, не безрассудно альтруистичен, а щедр в пределах разум-ного. Мудрец осознает, что избыток и дефицит, чрезмерное обилие и крайняя нехватка одинаково опасны. Он находит баланс между требованиями, раздирающими его в разных направлениях, и избегает крайностей.

Это не просто два типа людей, а два принципиально разных понимания нравственной жизни. В чем цель высоконравственного поведения? Самому стать идеальным человеком? Или наладить гармоничные взаимоотношения и построить добропорядочное, справедливое, милосердное общество? Большинство людей ответят, полагаясь на интуицию: «Надо ставить себе обе цели». Тут-то и обнажается, как пронизательно мыслил Маймонид. Он осознал, что за двумя зайцами не угонишься: в действительности это две разные программы действий.

Святой может раздать все свои деньги беднякам. Но что станет с семьей самого святого? Святой может отказаться воевать. Но что станет с его

² «Хасидей Ашкеназ» — еврейское мистическое аскетическое движение в Германии и Франции, наиболее популярное во второй половине XII и первой половине XIII века. — *Примеч. перев.*

³ Пиетизм — течение в протестантизме, которое особый упор делает на личном благочестии. — *Примеч. перев.*

⁴ Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора («Кодекс Маймонида»). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 272. — *Примеч. перев.*

⁵ Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора («Кодекс Маймонида»). Книга «Посвящение». М.: Книжники; Лехаим, 2020. С. 398. — *Примеч. перев.*

⁶ Так в английском переводе. В русском переводе употреблено слово «благочестивым». См.: Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора («Кодекс Маймонида»). Книга «Знание». С. 260. — *Примеч. перев.*

согражданами? Святой может простить все преступления, от которых пострадал он лично. Но что станет с верховенством закона и торжеством правосудия? В плане личного развития святые — в высшей степени добродетельные люди. Но невозможно построить общество, которое состояло бы из одних святых. Вообще-то святые люди, по большому счету, не интересуются обществом. Они выбрали одинокий путь — сами откололись от других. Святой стремится к личному спасению, а не к коллективному искуплению.

Эта догадка привела Маймонида к внутренне противоречивой на первый взгляд оценке назорейства. Назорей добровольно решает хотя бы некоторое время практиковать крайнее самоограничение. Он святой, хасид. Идет по пути личного усовершенствования. Это благородно, похвально, созвучно возвышенным идеалам.

Но у мудреца другой путь, и если ваша цель — усовершенствовать общество, без мудрецов не обойтись. Мудрец чуждается крайностей, сознавая, что на кон поставлена судьба других людей. Надо подумать о членах своей семьи и о членах своей

общины, о коллегах по работе, о своей стране, которую надо защищать, о государстве, которое надо строить. Мудрец понимает: было бы опасно и даже эгоистично снять с себя все эти обязательства ради уединенной добродетельной жизни. Ибо Г-сподь призвал нас жить в мире, а не бежать от мира; жить в обществе, а не в уединении; искать баланс между требованиями, раздирающими нас в разные стороны, а не сосредоточиваться на одном деле, пренебрегая другими. Итак, хотя в плане личного развития назорей — святой человек, в плане общественной жизни он, как минимум в фигуральном смысле, «грешник», который обязан принести искупительную жертву.

Иудаизм дает человеку простор для бегства от мирских соблазнов. И высший образец этого — назорей. Но назорейство — исключение, а не норма. Быть хахамом (мудрецом) — значит иметь мужество взаимодействовать с миром: хоть это и опасно для твоей духовной чистоты, способствовать тому, чтобы в общественные пространства нашей коллективной жизни проникла частица Б-жественного Присутствия.

Around the Shabbat Table

1. Do you think it's better to live a balanced life? Why?
2. Why do you think someone might choose to give up enjoyable things, as the nazir did?
3. How do you think someone can bring holiness into everyday life without withdrawing from - or over-indulging in - the world?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at www.rabbisacks.org/covenant-conversation-family-edition/naso/the-courage-to-engage-with-the-world.